

Научная статья
УДК 327
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/158-168>

Эволюция концепции безопасности Китая и её практика в Северо-Восточной Азии

Сочжу ХУАН

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, Li0451-0451@yandex.ru

Аннотация. Концепция дипломатической безопасности Китая – от пяти принципов мирного сосуществования до всеобъемлющей концепции национальной безопасности – с течением времени эволюционировала и развивалась. Она претерпела соответствующие изменения по мере постоянного укрепления общей мощи Китая и изменение структуры его отношений со странами Северо-Восточной Азии. В силу исторических и реальных причин проблемы безопасности в СВА по-прежнему доминируют среди традиционных проблем региона. Реализация общей концепции безопасности в Азии сталкивается с множеством препятствий, а существующие механизмы укрепления международных отношений оказываются неспособными решить существующие проблемы. В этой статье рассматриваются изменения в подходах Китая к пониманию проблемы безопасности и ее обеспечению в СВА с обсуждением теоретических преимуществ и препятствий на пути реализации перспектив общей концепции безопасности в Азии.

Ключевые слова: изменения концепции безопасности, пять принципов мирного сосуществования, Северо-Восточная Азия, концепция безопасности в Азии, теоретические дилеммы, факторы влияния

Для цитирования: Хуан Сочжу. Эволюция концепции безопасности Китая и её практика в Северо-Восточной Азии // Известия Восточного института. 2023. № 2. С. 158–168. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/158-168>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/158-168>

Evolution of China's Security Concept and its practice in Northeast Asia

Suo Zhu HUANG

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, Li0451-0451@yandex.ru

Abstract. From the five principles of peaceful coexistence we see comprehensive concept of national security. China's concept of diplomatic security has been constantly evolving. With the constant strengthening of China's overall power and its structure of relations become with the countries of Northeast Asia has also undergone corresponding changes. Under the influence of historical and real factors, the security risks in the NEA are caused by traditional security threats. The implementation of the general concept of security in Asia faces many obstacles, and the existing mechanisms for strengthening international relations are unable to solve the existing problems. This article examines the changes in China's approaches to understanding the security problem and ensuring it in the NEA, with a discussion of the theoretical advantages and obstacles to the implementation of the prospects for a common security concept in Asia.

Keywords: changes in the security concept, five principles of peaceful coexistence, Northeast Asia, the concept of security in Asia, theoretical dilemmas, influencing factors

For citation: Huang Suozhu. Evolution of China's Security Concept and its practice in Northeast Asia // Oriental Institute Journal. 2023. № 2. P. 158–168. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/158-168>

Концепция безопасности напрямую связана с национальными интересами страны, интегрируя ключевые переменные механизма обеспечения ее безопасности. Обычно считается, что концепция безопасности связана с субъективной интерпретацией людьми проблем безопасности. Она отражает общее понимание того, что такое безопасность, кто является объектами и субъектами безопасности, что выступает источником угроз и средствами ее достижения. Концепция безопасности определяет категорию интересов страны, связанных с безопасностью, и отражает основные принципы и методы, на которые она опирается в процессе реализации своих интересов безопасности. С момента создания Нового Китая китайское правительство начало определять основные параметры внешней полити-

ки и формировать ключевые принципы независимости, защиты национального суверенитета и территориальной целостности, а также обеспечения мира. Исходя из понимания и меняющихся представлений интересов национальной безопасности, процесс эволюции концепции безопасности Китая с 1949 года по настоящее время может быть разделен на пять основных этапов [17]. Первый этап включает в себя период 1949–1969 годы. Второй этап соотносится с 1969–1982 годами. Третий этап включает 1982–1996 годы. Четвертый этап относится к 1996–2014 годам. Началом пятого этапа, который продолжается по настоящее время, стал 2014 год.

Первый этап охватывает период от создания Нового Китая в 1949 году до пограничного конфликта на острове Даманский в 1969 году. Международная ситуация осложнилась практически сразу с образованием Нового Китая. В 1950 году США направляют войска в Северную Корею и последовательно подписывают двусторонние военные договоры с региональными соседями Китая, создавая угрозу его военного окружения. С целью организации экономического давления был создан Координационный комитет для торговой политики Восток-Запад (далее – КОКОМ), решением которого вводились экономические санкции против Нового Китая. В качестве средства политического принуждения США изо всех сил старалась не допустить вступления Китая в ООН. Все это напрямую угрожало безопасности Нового Китая. В этом контексте председатель Мао Цзэдун принял дипломатическую стратегию "склонения в одну сторону" и сотрудничество с Советским Союзом, а также другими социалистическими странами для поддержания национальной безопасности Нового Китая [3].

После окончания Корейской войны в 1953 году международная ситуация перешла от конфронтации к разрядке. Китайские лидеры начали рассматривать возможность налаживания отношений со странами разных систем. Новый Китай, как и многие развивающиеся независимые страны Азии и Африки, остро нуждался в долгосрочной стабильной международной мирной обстановке для экономического развития. Именно в этом международном контексте в 1956 году на Женевской конференции Китай предложил Пять принципов мирного сосуществования. Одновременно концепция безопасности Китая начала постепенно меняться вместе с отказом от принципа придерживаться исключительно одной стороны. В качестве основного направления выступало обеспечение гарантий независимости и активное реагирование на политические и военные угрозы со стороны США.

Начало второму этапу, продлившемуся до созыва в 1982 году 12-го съезда Коммунистической партии Китая, было положено пограничным конфликтом на острове Даманский в 1969 году. В конце 1960-х и начале 1970-х гг. Китай предложил дипломатическую стратегию "одной линии, одного массива". Стратегия "Одна линия" подразумевает собой формирование международного единого фронта для сдерживания советского экспансионизма Китаем и другими дружественными странами. Стратегия "Один массив" подразумевает собой расширение стратегии "Одна линия". В частности, это относится к тесной солидарности Китая с азиатскими и африканскими странами для совместного противостояния угрозе со стороны советской гегемонии. Наиболее прямым результатом дипломатической стратегии "Одна линия" стало то, что Китай улучшил свои отношения с США, Западной Европой и Японией [2]. Что касается региона СВА, то в рамках дипломатической стратегии "одной линии, одного массива" к сфере "одного массива" была отнесена Япония. Китай начинает активно налаживать неправительственные экономические и культурные обмены с Японией, установив с ней в сентябре 1972 года официальные дипломатические отношения, демонстрируя стремление к построению мирной окружающей международной обстановки [21]. В том же году президент США Р. Никсон посетил Китай, и США полностью признали законное положение Китая.

Политическая угроза со стороны США ослабла, и они превратились из самого опасного врага в партнера, готового оказывать помощь. После того, как Китай получил международное политическое признание, политическая безопасность перестала быть самой насущной проблемой безопасности Китая. Пограничный конфликт на острове Даманский привел к значительному ухудшению китайско-

советских отношениях. Военная угроза со стороны Советского Союза стала самой важной проблемой национальной безопасности Китая. В этот период Китай в рамках своей концепции безопасности следовал основным принципам мирного сосуществования и независимости, преодолевая препятствия социальной системы и сотрудничая с США в области стратегической безопасности для противодействия военной угрозе Советского Союза.

Третий этап продолжался с 12-го съезда КПК в 1982 году до формирования новой Концепции безопасности Китая в 1996 году. В 1982 году 12-й съезд КПК провозгласил независимую внешнюю политику, в рамках которой страна не будет связана ни с одной державой. В соответствии со стратегией реформы и открытости, Китай начал смещать свое внимание на экономическое развитие. В середине и конце 1980-х годов Китай ясно дал понять, что военная безопасность больше не является самой насущной проблемой, определив мир и развитие в качестве основных тем современного мира.

На практике Китай приступил к развитию добрососедских, дружественных отношений и отношений сотрудничества с 15 соседними странами, что создало благоприятные международные условия для реформ и открытости, а также экономического развития Китая. Руководствуясь принципом защиты основных интересов страны, надлежащим образом Китай урегулировал китайско-советские отношения, китайско-американские отношения и китайско-японские отношения, прилагая усилия для поддержания мира и стабильности в СВА. Одной из наиболее важных корректировок дипломатической стратегии Китая в 1990-х годах стало установление дипломатических отношений между Китаем и Южной Кореей, позволившее Китаю получать экономические и торговые выгоды от Южной Кореи и политические и военные выгоды от Северной Кореи [13]. В этот период на первое место для Китая выходит экономическая безопасность. Он по-прежнему придерживается политики независимости и противостояния гегемонии. Двусторонний и многосторонний диалоги по проблемам безопасности и сотрудничество с другими странами мира становятся важным средством обеспечения его национальной безопасности.

В рамках четвертого этапа – с 1996 по 2014 год – происходит формирование и всестороннее развитие Новой концепции безопасности. В 2001 году на Конференции, посвященной 80-летию основания КПК, Президент Китая Цзян Цзэминь всесторонне изложил новое видение безопасности, полагая, что международное сообщество должно установить Новую концепцию безопасности, в основе которой лежат взаимное доверие, взаимная выгода, равенство и сотрудничество. В качестве одной из основных ее целей было определено стремление к созданию долгосрочной стабильной, безопасной и надежной международной мирной обстановки [20]. Новая концепция безопасности выступала за всеобъемлющую безопасность, подчеркивала безопасность на основе сотрудничества, общую безопасность и отказ от стремления к абсолютной безопасности страны. Путь к достижению безопасности – это взаимное доверие, сотрудничество и диалог.

В начале XXI века, в период осложнения обстановки в СВА, Новая концепция безопасности Китая переживает дальнейшую эволюцию. В 2002 году Северная Корея объявила о разработке программы создания ядерного оружия, что спровоцировало северокорейский ядерный кризис. После начала кризиса Китай содействовал шестисторонним переговорам, благодаря которым был сделан исторический шаг к решению северокорейской ядерной проблемы. В 2003 году в контексте Новой концепции безопасности Китай предложил периферийную стратегию "добрососедства, безопасного и богатого соседства". В рамках данной концепции подчеркивался путь укрепления диалога, взаимного доверия и мирных переговоров вместо того, чтобы создать мирную и стабильную благоприятную региональную среду для регионального развития с конечной целью достижения общей региональной безопасности. Западные ученые считают, что развитие китайской дипломатии в новом веке означает то, что Китай участвует в международных делах не конфрон-

тационным, а позитивным, конструктивным, более гибким и более уверенным образом [9].

Пятый этап – с 2014 года по настоящее время – стал временем реализации Всеобъемлющей концепции национальной безопасности. С подъёмом Китая национальная безопасность также быстро расширяется в глубину и ширину. Концепция безопасности в контексте глобализации охватывает различные области и средства поддержания национальной безопасности, что отражается в разнообразии и сложности. В 2014 году Китай выдвинул идею всеобъемлющей национальной безопасности. В ней подчеркивается необходимость уделения внимания как внешней, так и внутренней безопасности. Она придает большое значение как внутренней безопасности, так и национальной безопасности, а также традиционной и нетрадиционной безопасности [14]. В рамках Всеобъемлющей концепции национальной безопасности Китай отстаивает Концепцию безопасности на территории всей Азии. Она является важной концепцией, которая определяет периферийную безопасность Китая. Данная Концепция безопасности взаимосвязана с Всеобъемлющей концепцией национальной безопасности с точки зрения дипломатической идеи и стратегии. Концепция безопасности в Азии не только наследует, но и развивает Пять принципов мирного сосуществования и новое видение безопасности, способствует региональному расширению всеобъемлющей концепции национальной безопасности Китая.

Таким образом, от Пяти принципов мирного сосуществования до понятия всеобъемлющей безопасности концепция национальной безопасности Китая постоянно развивалась. Из практики в США видно, что концепция безопасности эволюционировала от акцента на военную безопасность к идее всеобъемлющей безопасности. Отношение к соседним странам изменилось от подчеркивания принципа взаимности к признанию важности и пользы периферии. Цель периферийной дипломатической политики изменилась с акцента мирного сосуществования на устойчивую безопасность.

2. Современная Концепция безопасности в Азии.

После холодной войны практика сложных взаимоотношений всех акторов в США сформировала текущую ситуацию и структуру безопасности в регионе. Основной геополитической его характеристикой традиционно выступает напряженность, что определило понимание региона как "Азиатских Балкан" и "живого ископаемого холодной войны" [1].

Вступая в XXI век, конфронтация в США усилилась, а Корейский полуостров все еще находится в состоянии войны. Северокорейская ядерная проблема существенно влияет на региональную ситуацию. Участие США посредством Индо-Тихоокеанской стратегии стало более агрессивным и прямым, а также отсутствует механизм по региональному сотрудничеству в области безопасности.

Для решения проблемы безопасности в США явно требуются инновационные концепции безопасности. На этом фоне в мае 2014 года на совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в 2014 году председатель Китая Си Цзиньпин предложил Концепцию безопасности в Азии или общей, всеобъемлющей, кооперативной и устойчивой региональной безопасности.

Эта концепция предполагает учет всех аспектов безопасности. Она выступает за фундаментальное устранение основ небезопасности для достижения устойчивости безопасности. У нее есть определенные общие черты с концепцией позитивного мира (positive peace). В последней подчеркивается необходимость уделять внимание широкой сфере безопасности, как взаимосвязи между странами, экономическим развитием и социальной справедливостью, а не рассматривается безопасность как отсутствие войны [5]. Концепция безопасности в Азии также подчеркивает устойчивость безопасности, признает диалектическую взаимосвязь между безопасностью и развитием и считает, что только путем сочетания развития и безопасности можно достичь прочной безопасности. Это объясняется тем, что развитие – это основа безопасности, а безопасность – это условие развития [15].

Что касается СВА, то, основываясь на сложной и реалистичной обстановке безопасности в этом регионе и глубоком историческом фоне, Концепция безопасности в Азии также предлагает новые идеи для решения проблем безопасности в регионе. Она нацелена на помощь странам в достижении устойчивой безопасности на основе взаимного уважения, доверия и консультации, а также содействие созданию сообщества судьбы в СВА.

Концепция безопасности в Азии дает новые идеи для теоретической дилеммы проблем безопасности в СВА

После окончания холодной войны северокорейский ядерный кризис неоднократно ставил Корейский полуостров на грань военного конфликта. Между странами в СВА по-прежнему существует множество территориальных (как правило, морских) споров. По сравнению с другими проблемами странам труднее идти на компромиссы и уступки по таким проблемам, связанным с суверенитетом. США используют эти проблемы для публичного вмешательства в дела безопасности СВА. Таким образом, страны в СВА сталкиваются с традиционными проблемами безопасности, в которых доминируют геополитические проблемы, а не с нетрадиционными проблемами безопасности, возникшими после холодной войны. Существующая теория международных отношений не дает убедительных ответов для решения подобного рода проблем.

Западные ученые считают, что возможность избавиться от дилеммы безопасности и выйти за рамки традиционных методов поддержания безопасности и стабильности посредством сдерживания или военных угроз, создания двусторонних или многосторонних союзов и построения системы коллективной безопасности открывают два концептуальных направления – теорию интеграции и теорию управления безопасностью. Однако пути, предлагаемые ими, не вполне применимы к СВА. Теоретические исследования показывают, что успешная региональная интеграция в конечном итоге ведет к созданию наднациональной организации, подобного Европейскому союзу [4]. Однако, как свидетельствует современная практика европейского региона с его зрелой интеграцией, экономические кризисы, кризисы с беженцами и террористические атаки следуют один за другим, внося неопределенность в будущее развитие Европейского союза. Интеграция, таким образом, не привела к улучшению ситуации безопасности, а ухудшила ее по сравнению с исходной. Другими словами, развитие региональной интеграции не сделало зрелые или растущие регионы более безопасными. Напротив, регионализированный мир становится все более и более небезопасным. Это связано с тем, что интеграция постепенно приведет к консолидации распределения выгод в регионе, и некоторые страны также будут обеспокоены тем, что вместо выгод она будет наносить им ущерб. Из-за эффекта постепенного уменьшения выгоды некоторые страны, которые были более удовлетворены выгодами на ранних этапах интеграции, также могут испытывать беспокойство по поводу снижения выгод в будущем [22].

Классическая теория интеграции считает, что углубление экономической интернационализации и возникающая в результате его взаимозависимость заставят страны осознать необходимость поиска общего решения проблем, с которыми сталкиваются все страны в мире сложной взаимозависимости. Но в СВА объяснение этой теории крайне ограничено. Напряженность и противоречия в этом регионе не уменьшились с ростом экономической взаимозависимости между странами. В частности, Китай и Япония имеют тесные торговые обмены, но противоречия между двумя сторонами не были скомпрометированы или разрешены. В то же время двусторонний военный союз между Японией, Южной Кореей и США также сдерживает оперативные возможности этих двух стран, делая их неспособными самостоятельно решать проблемы региональной безопасности, как и в случае европейских стран.

Теория глобального управления безопасностью предлагает другой способ мышления для решения проблем безопасности. В настоящее время академическое сообщество достигло консенсуса относительно объектов глобального управ-

ления, то есть тех, которые сопровождают глобализацию и являются сложными, неопределенными и несбалансированными. Они требуют от людей рационального понимания глобальных проблем и управления ими [18]. Основные проблемы безопасности в СВА – северокорейская ядерная проблема и территориальные споры. Они являются наследием холодной войны. Хотя эти проблемы возникают в эпоху углубляющейся глобализации, их нельзя интерпретировать как глобальные проблемы. Мышление о глобальном управлении не может быть использовано для их решения. Ядром существующей теории управления безопасностью является "объединённый суверенитет" стран в рамках многосторонних механизмов, а также проблемы, вызывающие озабоченность – это транснациональные угрозы, такие как изменение климата, организованная преступность и терроризм. Одна страна не может управлять этими угрозами с помощью своих сил [6].

Очевидно, что нынешние угрозы безопасности, с которыми сталкивается СВА, по-прежнему являются традиционными, основанными на военных конфликтах, которые отличаются от проблем теории управления безопасностью. Все это говорит о том, что идею решения трансграничных нетрадиционных угроз безопасности вряд ли возможно использовать для решения дилеммы безопасности в СВА.

Поскольку основные проблемы безопасности в СВА являются не побочным продуктом глобализации, а наследием холодной войны, наднациональная организация теории интеграции или принятия суверенитета теории глобального управления не играют эффективной роли для решения проблем в СВА. В то же время факты также доказали, что неуместное вмешательство внерегиональных держав в ситуацию региональной безопасности и взаимные угрозы между странами региона могут только еще больше стимулировать эскалацию напряженности, ещё раз подтверждая важность концептуальных инноваций в решении проблем безопасности в СВА. Общая, всеобъемлющая, кооперативная и устойчивая безопасность в рамках концепции Азии предлагает новые идеи для решения проблем безопасности в СВА и помогает способствовать формированию взаимного доверия в области безопасности между странами. Также уделяется внимание фундаментальному решению глубинных причин проблем безопасности в целях содействия реализации устойчивой безопасности.

Факторы влияния на практику обеспечения безопасности в Азии в СВА

Концепция безопасности в Азии подчеркивает взаимное доверие как основу для поддержания безопасности между странами, и выступает за сотрудничество в области безопасности на основе взаимного уважения национального суверенитета, но не стремится к созданию региональных наднациональных организаций. Это может предложить новые идеи для решения проблем безопасности в СВА. Однако в ходе практической реализации Концепция безопасности в Азии подверглась влиянию таких объективных факторов, как вмешательство великих держав, неопределенность экономического развития и рост национализма и популизма.

1. Вмешательство США. Деструктивное вмешательство великих держав в интеграцию СВА является серьезным вызовом, который необходимо решать в процессе реализации Концепции безопасности в Азии. Быстрый рост экономики Китая, с одной стороны, улучшил статус СВА в мировой экономике, а с другой стороны, он также изменил соотношение экономической мощи между странами в этом регионе и способствовал изменениям в экономической структуре внутри региона. Из-за усиления собственной экономической мощи СВА влияние США, которые долгое время играли важную роль в этом регионе, снизилось [19]. В США также существует опасение, что экономическое развитие Северо-Восточной Азии будет способствовать формированию беспрецедентного "азиатского внутреннего рынка" [7].

С. Роберт указал, что политика США в Восточной Азии заключается в поддержании баланса сил в этом регионе, чтобы сохранить регион внутренне разделенным и помешать расширению региональных держав. Без США ни одна страна из стран Восточной Азии не сможет остановить "гегемонистскую политику" Китая, поэтому США необходимо напрямую вмешиваться в дела этого региона, чтобы сохранить внутреннее разделение региона [11]. Д. Миршаймер утверждает, что Китай

будет стремиться доминировать в Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее – АТР) так же, как США доминируют в Западном полушарии. Это неизбежно приведет к увеличению силы, и Китай будет пытаться исключить США из АТР точно так же, как США исторически исключали мощь европейских держав из Западного полушария. Наиболее вероятно, по их мнению, Китай будет продвигать свою Доктрину Монро в Азии [8].

Что касается США, то СВА является регионом с важными интересами, поэтому необходимо обеспечить невозможность Китаю занимать доминирующее положение в этом регионе. Чтобы добиться обеспечения долгосрочного преимущества в СВА путём офшорного балансирования, США необходимо полагаться на своих союзников в этом регионе или, как говорят некоторые ученые, США необходимо полагаться на свою систему ступица и спицы.

После окончания холодной войны важность системы альянсов для поддержания глобальной гегемонии США не только не уменьшилась, но и возросла. В СВА два союзника США – Япония и Южная Корея – являются основными участниками в стратегии офшорного балансирования и важной опорой для США в создании эксклюзивной системы коллективной безопасности в СВА, чтобы США могли сохранить свое стратегическое доминирующее положение в этом регионе.

Администрация Д. Байдена настаивала на том, чтобы США снова возглавляли мир. США старались поддерживать гегемонистские позиции во всем мире. Стремительное экономическое развитие Китая для США стало предупредительным сигналом. США приняли множество стратегических методов с целью подавления Китая и разрыва торгового сотрудничества. США используют Японию и Южную Корею в качестве объектов, настроенных на сдерживание Китая в СВА, подчеркивая важность расширения системы альянсов и сдерживания Китая в политической, экономической, научно-технической и других областях, тем самым достигая цели гегемонистской стабильности.

2. Неопределенность экономической среды. С развитием регионализации и глобализации экономики между странами становятся взаимозависимыми и влияют друг на друга. На общую экономику СВА приходится около четверти всей мировой экономики, при этом двустороннее и многостороннее экономические сотрудничества в регионе активно и структурно дополняют друг друга. После многих лет развития общие интересы продолжают расти, регион СВА превратился в регион с мировым влиянием [16].

В 2020 году было подписано Соглашение о Всестороннем региональном экономическом партнёрстве (RCEP), в рамках которого Китай выразил четкое требование присоединиться к Всеобъемлющему и прогрессивному соглашению о Транстихоокеанском партнерстве (далее – СРТПП). Перспективы сотрудничества между Китаем, Японией и Южной Кореей в рамках этого соглашения весьма обширны. Однако с учетом интересов великих держав и горячих точек противоречий в СВА региональное экономическое сотрудничество в СВА сталкивается с препятствиями, особенно в контексте глобальной пандемии COVID-19. Все это вызывает распространение антиглобализма и унилатерализма.

В рамках конкуренции с Китаем США делают экономические проблемы политизированными, объединив усилия с Японией и другими странами для создания Индо-Тихоокеанской цепочки ценности с целью достижения декитаизации и использования четырехстороннего механизма стратегического давления на Китай.

В марте 2020 года четырехсторонний диалог по безопасности направлен на переход от политической и военной сфер к экономической, осуществлению реструктуризации цепочки поставок и формирования надёжного альянса по цепочке поставок, чтобы сократить экономическую долю Китая. Кроме того, США продолжают убеждать соответствующие страны региона отделиться от экономики Китая и поддерживают Инициативу по обеспечению устойчивости цепей поставок (далее – SRCI), инициированную Японией, проводят различие между политической окраской и идеологией, а также усиливают сдерживание цепочки поставок Китая с целью достижения экономической изоляции от Китая.

В то же время Южная Корея и Япония ввели политику, направленную на расширение возврата предприятий, а также на корректировку и передачу производственных цепочек, и постоянно усиливают административное вмешательство в деятельность предприятий, что приводит к переводу некоторых предприятий на местные рынки или рынки Юго-Восточной Азии. Это представляет серьезную проблему для стабильности промышленной цепочки Китая в СВА, а также построения новой модели развития с двойной циркуляцией. Экономическое влияние Китая в СВА и основы регионального развития были в определенной степени ослаблены.

3. Подъем национализма и популизма. Основываясь на колониальной истории, страны в СВА высоко ценят свою национальную независимость и национальный суверенитет. В силу исторических причин между странами в СВА имеется ряд проблем. Подъем Китая рассматривается как угроза для многих азиатских стран, особенно для СВА, формирующая структурные противоречия в азиатском регионе, стимулируя тем самым территориальные националистические настроения в странах СВА.

Япония с агрессивной стратегией в территориальных спорах время от времени провоцирует споры. В то же время страны Восточной Азии хранят глубокую память об огромной травме, нанесенной японской агрессией в истории. В течение длительного времени отсутствие взаимного доверия между Японией и ее соседями стало тенью, препятствующей региональному сотрудничеству в области безопасности [12]. Спор из-за островов Дяоюйдао привел к антагонистическим национальным эмоциям между Китаем и Японией. Столкновение с китайским рыболовецким судном в 2010 году привело к эскалации территориального спора между Китаем и Японией. Из-за этого инцидента восприятие японской ответственностью китайской угрозы значительно возросло, и правительству рекомендуется разработать защитный механизм, чтобы Китай не думал, что возможности и решимость Японии сильно слабы [10].

Вопрос Токто (Такэсима, Японии) всегда был важным очагом, сдерживающим развитие южнокорейско-японских отношений. Антияпонские настроения в Южной Корее стремительно растут. После того, как японское правительство ограничило экспорт полупроводниковых материалов, призывы к бойкоту японских товаров и бойкоту поездок в Японию в Южной Корее становятся все более сильными. Более 140 местных органов власти в Южной Корее совместно создали организации для бойкота японских товаров и приостановки поездок в Японию. Все это проявления яркого растущего национализма. Если национализм различных стран не может быть эффективно контролирован, правительства различных стран будут продолжать шантажироваться национализмом. При разрешении споров или создании соответствующих механизмов безопасности правительство не сможет пойти на соответствующие компромиссы, что неизбежно приведет к тому, что соответствующее устройство повестки дня столкнется с большими препятствиями.

СВА остается регионом с острыми и часто обостряющимися проблемами безопасности из-за сохранения в ней многих наследий холодной войны, что привело к серьезному отсутствию доверия в области безопасности между странами в СВА. Между ними нередко возникают конфликты, вызванные дилеммами безопасности, что сказывается на попытках создания механизмов сотрудничества в области безопасности в краткосрочной перспективе. В этом контексте простое применение существующих теорий не поможет решить реальные проблемы в регионе СВА, в то время как концепция безопасности в Азии с общей, всеобъемлющей, кооперативной и устойчивой региональной безопасностью предлагает новые идеи для решения дилемм региональной безопасности и помогает странам достичь устойчивой безопасности на основе взаимного уважения, взаимного доверия и взаимной консультаций. На практике Китай развил партнерские отношения и углубил двустороннее и многостороннее сотрудничество в СВА, стремясь найти общие интересы со странами СВА посредством стратегий партнерства и устранить небезопасные факторы в СВА. Безопасность является основной гарантией построения любого сообщества, поэтому концепция безопасности в Азии является ос-

новой построения сообщества судьбы в США. В качестве инициатора концепции безопасности в Азии и Сообщества единой судьбы человечества Китай, который является региональной державой, также должен в полной мере сыграть свою роль в этом процессе и взять на себя ответственность великой державы. Проблемы безопасности в этом регионе затрагивают не только соседние страны, но могут даже спровоцировать глобальные конфликты. Например, напряженность на Корейском полуострове может втянуть в конфликт Китай и США. В нынешних условиях, когда доверие к безопасности всех сторон в регионе по-прежнему отсутствует, Китай должен стать поборником региональной безопасности и стабильности, поощрять все стороны к разрешению разногласий мирными средствами, такими как переговоры и консультации, и создать культуру региональной безопасности, основанную на равенстве, сотрудничестве и взаимовыгодной ситуации.

Литература

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска – Господство Америки и его стратегические императивы / Б. Збигнев / Перевод Китайским институтом международных проблем. Шанхай, Шанхайское народное издательство. 2010. 126 с.
2. Бирюков С.В. Россия – Китай: непростой путь к стратегическому партнерству (к 70-летию установления дипломатических отношений) / С.В. Бирюков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 2. С. 237–238.
3. Помозова Н.Б. "Сообщество единой судьбы": эволюция внешнеполитической концепции Китая (конец 1990-х гг. – наст. вр.) / Н.Б. Помозова // Вестник РГГУ. Серия "Политология. История. Международные отношения". 2019. № 2. С. 76–88.
4. Breslin S.B. Comparative Theory, China, and the Future of East Asia Regionalism / B. Shaun // Review of International Studies. 2010. Vol. 36. No.3. P. 709–711.
5. Diehl P. F. Exploring Peace : Looking beyond War and Negative Peace / F. Paul // International Studies Quarterly. 2016. Vol. 60. No.1. P. 4–9.
6. Hameiri S.J. Security Governance and the Politics of State Transformation: Moving from Description to Explanation / H. Shahar, J. Lee, S. Adam // Journal of Global Security Studies. 2018. Vol. 3. No.1. P. 464–467.
7. Kraig M.R. Military Planning for East Asia : A Clausewitzian Approach / R.K. Michael // Strategic Studies Quarterly. 2017. Vol. 11. No. 1. P. 100–104.
8. Mearsheimer J.J. The Gathering Storm : China's Challenge to US Power in Asia / J.M. John // The Chinese Journal of International Politics. 2010. Vol. 3. No. 4. P. 387–389.
9. Medeiros E.S. and Fravel. M.T. "China's New Diplomacy" / S. Evan // Foreign Affairs. 2003. Vol. 82. No. 6. P. 22–36.
10. Nakano R. The Sino-Japanese territorial dispute and threat perception in power transition / R. Nakano // Pacific Review. 2016. № 29(2). P. 165–186.
11. Ross R.S. US Grand Strategy, the Rise of China, and US National Security Strategy for East Asia / S.R. Robert // Strategic Studies Quarterly. 2013. Vol. 7. No. 2. P. 20–28.
12. Yinan H.E. The Search for Reconciliation: Sino-Japanese and German-Polish Relations since World War II / H.E. Yinan // Cambridge: Cambridge University Press. 2009. № 2. P. 3–9.
13. 叶自成: 《探索面向21世纪的中国国际战略的新思维》载于《世界经济与政治》, 1997年第9期, 第71–74页 = Е.Ц. Изучение нового мышления о международной стратегии Китая на 21 век / Ц. Е // Мировая экономика и политика. 1997. № 9. С. 71–74.
14. 习近平主持召开中央国家安全委员会第一次会议强调坚持总体国家安全观, 走中国特色国家安全道路, 《人民日报》, 2014年04月16日 = Си Цзиньпин председательствовал на первом заседании Центрального совета национальной безопасности, подчеркнув, что придерживается всеобъемлющей концепции национальной безопасности и следует по пути национальной безопасности с китайской спецификой. // Жэньминь жибао. 16 апреля 2014 г.
15. 习近平, 论坚持推动构建人类命运共同体[M].北京: 中央文献出版社, 2018, 114 = Си Ц. О настоячивом продвижении строения Сообщества единой судьбы человечества. Пекин: издательство "Чжунъян вэньсянь чубаньшэ". 2018. 114 с.
16. 宋宁而. 被建构的东北亚安全困境--基于对综合安全海洋保障政策的分析[J]. 亚太安全与海洋研究, 2021(1):72-87 = Сун Н. Сконструированная дилемма безопасности Северо-Восточной Азии – На основе анализа всеобъемлющей политики безопасности на море / Н. Сун // Азиатско-Тихоокеанская безопасность и океанологические исследования. 2021. № 1. С. 72–87.
17. 秦亚青, 国家身份、战略文化和安全利益关于中国与国际社会关系的三个假设, 《世界经济与政治》, 2003年第1期, 第13-15页 = Цинь Я. Три гипотезы об отношениях Китая с международным сообществом в отношении национальной идентичности, стратегической культуры и интересов безопасности / Я. Цинь // Мировая экономика и политика. 2003. № 1. С. 13–15.
18. 蔡拓. 全球学: 概念、范畴、方法与学科定位 [J]. 国际政治研究, 2013 (3) : 11 = Цай Т. Глобали-

стика: Концепции, категории, методы и позиционирование учебной дисциплины / Т. Цай // Международные политические исследования. 2013. № 3. С. 11–16.

19. 崔岩. 东北亚国际关系的新动向与地区秩序重构 [J]. 日本研究, 2014 (3): 2. = Цуй Я. Новые тенденции в международных отношениях в Северо-Восточной Азии и восстановление регионального порядка / Я. Цуй // Японские исследования. 2014. № 3. С. 2–6

20. 江泽民: 在庆祝中国共产党成立八十周年大会上的讲话, 中央电视台, 2010年12月3日。http://2008.cctv.com/special/733/-1/47001.html = Цзян Ц. Выступление на Конференции, посвященной 80-летию основания КПК / Ц. Цзян // CCTV. 2010. URL: http://2008.cctv.com/special/733/-1/47001.html (дата обращения: 06.06.2022).

21. 张键. 冷战后中国东亚外交战略的学理分析[D]. 外交学院, 2011, 第150-156页 = Чжан Ц. Теоретический анализ восточноазиатской дипломатической стратегии Китая после холодной войны / Ц. Чжан // Китайский дипломатический университет. 2011. № 6. С. 150–156.

22. 张景全, 吴昊. 区域化与安全化悖论: 东北亚区域的国家与同盟角色 [J]. 东北亚论坛, 2017 (1): 100-102 = Чжан Ц. Парадокс регионализации и безопасности: Роль стран и альянсов в Северо-Восточной Азии / Ц. Чжан, Х. У // Форум Северо-Восточной Азии. 2017. № 1. С. 100–102.

References

1. Brzezinsky Z. The Great Chessboard – The Dominance of America and its strategic imperatives / B. Zbigniew // Translated by the Chinese Institute of International Problems. Shanghai, Shanghai People's Publishing House. 2010. p. 126.

2. Biryukov S.V. Russia – China: a difficult path to strategic partnership (to the 70th anniversary of the establishment of diplomatic relations) / S.V. Biryukov // Bulletin of the Volgograd State University. Series 4, History. Regional studies. International relations. 2021. Vol. 26, No. 2. P. 237–238.

3. Pomozova N.B. "Community of One Destiny": The Evolution of China's Foreign Policy Concept (late 1990s – present) / N.B. Pomozova // Bulletin of the Russian State University. The series "Political Science. History. International relations". 2019. No. 2. P. 76–88.

4. Breslin S.B. Comparative Theory, China, and the Future of East Asia Regionalism / B. Shaun // Review of International Studies. 2010. Vol. 36. No. 3. P. 709–711.

5. Diehl P. F. Exploring Peace : Looking beyond War and Negative Peace / F. Paul // International Studies Quarterly. 2016. Vol. 60. No.1. P. 4–9.

6. Hameiri S.J. Security Governance and the Politics of State Transformation: Moving from Description to Explanation / H. Shahar, J. Lee, S. Adam // Journal of Global Security Studies. 2018. Vol. 3. No. 1. P. 464–467.

7. Kraig M.R. Military Planning for East Asia : A Clausewitzian Approach / R.K. Michael // Strategic Studies Quarterly. 2017. Vol. 11. No. 1. P. 100–104.

8. Mearsheimer J.J. The Gathering Storm : China's Challenge to US Power in Asia / J.M. John // The Chinese Journal of International Politics. 2010. Vol. 3. No. 4. P. 387–389.

9. Medeiros E.S. and Fravel. M.T, "China's New Diplomacy" / S. Evan // Foreign Affairs. 2003. Vol. 82. No. 6. P. 22–36.

10. Nakano R. The Sino-Japanese territorial dispute and threat perception in power transition / R. Nakano // Pacific Review. 2016. № 29(2). P. 165–186.

11. Ross R.S. US Grand Strategy, the Rise of China, and US National Security Strategy for East Asia / S.R. Robert // Strategic Studies Quarterly. 2013. Vol. 7. No. 2. P. 20–28.

12. Yanan H.E. The Search for Reconciliation: Sino-Japanese and German-Polish Relations since World War II / H.E. Yanan // Cambridge: Cambridge University Press. 2009. № 2. P. 3–9.

13. E Zicheng. The study of new thinking about China's international strategy for the 21st century / Ts. E // World Economy and Politics. 1997. No. 9. P. 71–74.

14. Xi Jinping chaired the first meeting of the Central National Security Council, stressing that he adheres to the comprehensive concept of national security and follows the path of national security with Chinese specifics, People's Daily, April 16, 2014.

15. Xi Jinping chaired the first meeting of the Central National Security Council, stressing that he adheres to the comprehensive concept of national security and follows the path of national security with Chinese specifics, People's Daily, April 16, 2014.

16. Sun Ninger. The constructed security dilemma of Northeast Asia – Based on the analysis of a comprehensive maritime security policy / N. Sun // Asia-Pacific security and oceanological research. 2021. No. 1. P. 72–87.

17. Qin Yanqing. Three hypotheses about China's relations with the international community in relation to national identity, strategic culture and security interests / Ya. Qin // World Economy and Politics. 2003. No. 1. P. 13–15.

18. Cai Tuo. Globalistics: Concepts, categories, methods and positioning of the academic discipline / T. Tsai // International political studies. 2013. No. 3. P. 11–16.

19. Cui Yan. New trends in international relations in Northeast Asia and the restoration of regional order / Ya.

Cui // *Japanese Studies*. 2014. No. 3. P. 2–6.

20. Jiang Zemin. Speech at the Conference dedicated to the 80th anniversary of the founding of the CPC / Ts. Jiang // CCTV. 2010. URL: <http://2008.cctv.com/special/733/-1/47001.html>.

21. ZhangJian. Theoretical analysis of China's East Asian Diplomatic strategy after the Cold War / Jian. Zhang // *Chinese Diplomatic University*. 2011. No. 6. P. 150–156.

22. Zhang Jingquan, Wu Hao. The paradox of regionalization and security: The role of countries and alliances in Northeast Asia /Zhang, Wu // *Forum of Northeast Asia*. 2017. No. 1. P. 100–102.

Сочжу ХУАН, аспирант кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: Li0451-0451@yandex.ru

Suozhu HUANG, Postgraduate student, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: Li0451-0451@yandex.ru

Поступила в редакцию

(Received) 01.07.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 10.05.2023

Принята к публикации

(Accepted) 05.06.2023